

**Рѣчь профессора А. А. Спаскаго, сказанная при гробѣ послѣ
чтенія Евангелія.**

Дорогой и незабвенный учитель!

Я пришелъ къ гробу твоему, пораженный неожиданностью твоей кончины, и эта неожиданность тѣмъ глубже взволновала меня, что я лишь сегодня утромъ возвратился изъ продолжительнаго путешествія по Волгѣ и, увидавъ въ газетахъ имя твое, обвитое траурной рамкой, поспѣшилъ сюда, чтобы сказать тебѣ послѣднее „прости“. И это „прости“ не будетъ состоять въ какихъ-либо изысканныхъ выраженіяхъ, украшенныхъ красотами риторики: оно окажется недостаточнымъ и для того, чтобы въ полнотѣ обнять твои достоинства и заслуги.. Оно будетъ лишь воплемъ сердца, потрясеннаго тяжелой потерей; оно начертитъ лишь блѣдный и неясный обликъ твой, какъ эти останки твои, лежащіе въ гробу.

Воспитанникъ 60-хъ годовъ, этого пераго пышнаго разцвѣта русской культуры, и къ несчастію быстро увядшаго, ты внесъ живыя идеи этой эпохи въ свою науку, и твоя докторская диссертация о первыхъ четырехъ вселенскихъ соборахъ явилась яркой молніей, озарившей впервые дотолѣ мрачный небосклонъ богословской литературы и мощнымъ протестомъ противъ всякаго рутинерства въ наукѣ. Зная науки ты держалъ всегда высоко и не склонялся ни предъ какими идолами и въ своей ученой дѣятельности ты захватилъ всю исторію восточной церкви, начиная отъ первыхъ трехъ вѣковъ и кончая современнымъ положеніемъ греко-восточной церкви подъ игомъ магометанства, не оставивъ ни одного уголка его необслѣдованнымъ. Внимательно слѣдя за западной ученой литературой, ты знакомилъ русское общество со всѣми новѣйшими результатами ея, и твои статьи принадлежали къ лучшимъ и наиболѣе привлекательнымъ отдѣламъ нашихъ духовныхъ журналовъ. Какъ профессоръ, ты умѣлъ привлекать къ себѣ слушателей, будить въ нихъ мысль и порождать охоту къ занятіямъ, и твое имя всегда служило свѣтлымъ маякомъ, отовсюду привлекавшимъ молодое юношество въ нашу Московскую Академію. И въ своихъ лекціяхъ ты не поднимался ни въ заоблачныя высоты философіи и не спускался въ глубины мистицизма: ты предлагалъ лишь реальные факты, историческую истину въ

чистомъ ея видѣ, внѣ всякихъ стороннихъ тенденцій и прикрасъ. И ты пожалъ успѣхъ: Московская академія въ составѣ своихъ профессоровъ насчитываетъ большинство твоихъ учениковъ; С-П-Бурская Академія и Университетъ также имѣетъ среди своихъ представителей людей, воспитавшихся подъ твоимъ вліяніемъ и въ плеядѣ доцентовъ Московскаго Университета не мало лицъ, имѣющихъ право гордиться именемъ быть твоими учениками.

Всецѣло отдавая свое время обученію своей науки, ты не былъ аскетомъ ни въ отношеніи къ обществу, ни по своему личному поведенію. Общество ты любилъ, и всегда являлся желаннымъ гостемъ, умѣющимъ поднять и поддержать умный и живой разговоръ и въ своихъ частыхъ бесѣдахъ съ студентами ты всегда дѣлился своими научными и житейскими наблюденіями, дѣйствуя развивающимъ образомъ на нихъ. Мнѣ лично долго не забыть тѣхъ продолжительныхъ бесѣдъ, по самымъ разнообразнымъ вопросамъ, которыя—бывало—ты самъ велъ со мной при прогулкахъ по линіи Сергіево-посадской дороги и которыя иногда затягивались до полуночи. И въ своей личной жизни ты не отказывалъ себѣ въ удобствахъ, но не привязывался къ нимъ и держалъ себя выше ихъ. Ученое балагурство и житейскую пошлость ты повсюду преслѣдовалъ своимъ острымъ языкомъ и всегда оставался высоко нравственною личностью. Въ твою продолжительную жизнь не мало выпало на долю твою тяжелыхъ испытаній, но ты понесъ ихъ, какъ иго благое и легкое. Болѣе десяти талантовъ было дано тебѣ, и на нихъ ты приобрѣлъ сотни талантовъ и, какъ рабъ вѣрный, увидишь въ царствіе Господа твоего.

Пусть же пребудетъ съ тобой и твоимъ именемъ *вѣчная память*,—не та вѣчная память, которая еще не разъ заувнвнымъ, кладбищенскимъ мотивомъ пронесется надъ твоими бренными останками, но та, которая будетъ жить въ сердцахъ твоихъ учениковъ, въ твоихъ ученыхъ сочиненіяхъ, и будущій историкъ русской культуры, поскольку теологія (религія) неразрывно связана съ русскимъ національнымъ духомъ, добрымъ словомъ вспоманетъ твое имя. Глубоко вѣря въ эту вѣчную память твоего имени, я земно кланяюсь предъ твоими бренными останками, изъ которыхъ такъ неожиданно исшелъ мощный и талантливый духъ.

**Рѣчь профессора А. И. Покровскаго, сказанная на могилѣ
А. П. Лебедева.**

Дорогой учитель!

Передъ твоей свѣжей, еще незасыпанной могилой позволь и мнѣ, одному изъ твоихъ позднѣйшихъ учениковъ по Академіи и твоихъ младшихъ сотрудниковъ по Университету, сказать нѣсколько прощальныхъ словъ, какъ дань высокаго уваженія къ твоимъ заслугамъ и сердечной благодарности за твои теплыя личныя отношенія ко мнѣ.

Смерть каждаго человѣка составляетъ назидательный урокъ для насъ, какъ то грозное *memento mori*, которое заставляетъ насъ очнуться отъ обычной сутолоки повседневной жизни, посерьезнѣе осмотрѣться кругомъ и поглубже заглянуть въ самихъ себя.

Но особенно поучительна смерть болѣе видныхъ и выдающихся людей. Въ этотъ послѣдній прощальный моментъ своего физическаго разставанія съ нами, они снова какъ-бы во весь свой ростъ возстаютъ предъ нашимъ духовнымъ взоромъ, и всей своей жизнью и дѣятельностью краснорѣчиво преподаютъ намъ свои прощальные завѣты.

Въ лицѣ почившаго А. П. мы несомнѣнно теряемъ одного изъ такихъ выдающихся людей—талантливаго профессора и знаменитаго церковнаго историка и публициста, котораго, по обилію его научныхъ работъ и по силѣ его идейнаго вліянія на русскую церковно-историческую науку, можно, до извѣстной степени, сравнивать съ Гарнакомъ.

Такъ что у гроба почившаго намъ есть чему поучиться.

Какія же прощальныя зѣвѣты шлетъ намъ почившій историкъ изъ своей еще незасыпанной могилы?

Содержательна и полна была жизнь почившаго ученаго и многому она насъ учитъ. Она учитъ, прежде всего, неустанному, энергичному и бодрому труду. Почившій всю свою жизнь, до самой гробовой доски, былъ неутомимымъ и продуктивнымъ работникомъ на нивѣ церковно-исторической науки, оставивъ всѣмъ намъ примѣръ, достойный подражанія. Онъ учитъ насъ, далѣе, не быть только черствыми специалистами избранной области науки, но и посылить живой жизни, съ ея насущными потребностями и запросами...

Но среди этихъ и подобныхъ имъ завѣтовъ, которые оставилъ почившій А. П. своимъ послѣдователямъ и ученикамъ, громче и яснѣ всѣхъ для меня въ этотъ моментъ звучить одинъ, важнѣйшій изъ всѣхъ его завѣтовъ: „будьте честны, искренни и правдивы въ наукѣ. Работайте всегда въ интересахъ только чистой истины, не увлекаясь никакими посторонними видами и цѣлями и не страшась за это никакихъ преслѣдованій и гоненій. Знайте, что истина не боится свѣта и въ концѣ концовъ она должна преоблѣднть. Потому выше всего ставьте идеаль чистой научной истины и одинаково бойтесь какъ угождать сильнымъ міра сего, такъ и льстить мимолетнымъ вкусамъ толпы“.

И Алексѣй Петровичъ имѣлъ право такъ говорить. У него это были не пустыя слова и не благія только пожеланія, а суровая жизненная правда, выстраданная имъ на самыхъ фактахъ его жизни. Для примѣра достаточно указать хотябы на ту опалу духовной цензуры, которая долгое время тяготѣла надъ болѣе важными сочиненіями А. П. за ихъ будто-бы вредный, рационалистическій духъ. Но вотъ, въ послѣднее время, идеи, проводимыя А. П. пріобрѣтаютъ почти общее признаніе и нѣкогда опальныя сочиненія А. П., значившіяся въ числѣ „вредныхъ“ книгъ, теперь въ тѣхъ-же семинаріяхъ, откуда онѣ изгонялись, считаются полезными и выдаются въ качествѣ „наградныхъ книгъ“.

Не менѣе гражданскаго мужества проявлялъ А. П. и въ борьбѣ съ различными предрасудками общественнаго мнѣнія. Онъ слылъ за либеральнаго ученаго. Но это нисколько не мѣшало ему отмѣчать достоинства и искренно хвалить такихъ, далеко не либеральныхъ дѣятелей, какъ митроп. Филаретъ и К. П. Побѣдоносцевъ. И никто не думалъ ставить ему этого въ вину. Всѣ видѣли, что чистая, безкорыстная истина дороже Алексѣю Петровичу, какъ начальственнаго благоволенія, такъ и партійныхъ интересовъ. Въ силу этой отличительной своей черты, А. П. одинаково не боялся, какъ срывать маски со „слѣпыхъ вождей“¹⁾, такъ и идти наперекоръ общественному мнѣнію, если только этого

¹⁾ Заглавіе одного изъ послѣднихъ церковно-публицистическихъ сочиненій А. П.: „Слѣпые вожди Четыре момента въ исторической жизни церкви“. Москва 1907 г. 86 стр. 50 коп

требовали интересы безпристрастной и неподкупной истины.

Постараемся же получше внять всѣмъ этимъ завѣтамъ почившаго ученаго, и сдѣлаемъ усилія возможно ярче и полнѣе осуществить ихъ и въ своей жизни.

Прими, дорогой наставникъ, низкій, земной поклонъ и лично отъ меня за твои неизмѣнно дружественныя и благожелательныя отношенія ко мнѣ, котораго ты приблизилъ къ себѣ за послѣднее время, въ качествѣ одного изъ своихъ младшихъ сотрудниковъ.

Да будетъ-же свѣтла и чиста память о тебѣ! И пусть горитъ она яркимъ свѣточемъ для всѣхъ послѣдующихъ русскихъ работниковъ на тернистой нивѣ церковно-исторической науки!

Рѣчь студента Н. П. Кудрявцева произнесенная на могилѣ А. П. Лебедева.

Глухая лѣтняя пора, назначенная для временнаго отдохновенія труженниковъ культуры, принесла для тебя, незабвенный ученый, день вѣчнаго упокоенія.

День твоего рожденія, выразусь наиболѣе привычнымъ для тебя языкомъ, палъ на такое время, когда онъ не можетъ быть отпразднованъ такъ, какъ того требовало твое достоинство христіанина и твое званіе ученаго.

Неисповѣдимы пути Промысла и не намъ уразумѣть умъ Господень.

Но если позволительно проникать въ тайну этой смерти, то она моему ограниченному умственному взору представляется исполненной глубокаго, хотя и своеобразнаго, смысла.

Почившій былъ мужемъ науки, историкомъ христіанской церкви, выросшей изъ кроваваго сѣмени мучениковъ.

Вотъ съ этимъ то послѣднимъ и находится въ полномъ, соотвѣтствіи время кончины незабвеннаго Алексѣя Петровича.

Почившій былъ прежде всего профессоромъ. А вѣдь „профессура“, не ходя далеко, и сама то въ себѣ „не должность, а подвигъ“, своего рода библейское „бремя“, которое не удержиимо, часто вопреки личному настроенію, влекло проповѣдниковъ на путь ихъ общественнаго служенія.

Но этого мало. Алексѣй Петровичъ былъ мученикомъ еще и въ другомъ отношеніи. Онъ вписалъ свое имя въ мартирологъ какъ всякій культурный вождь.

Его неукладывавшаяся въ рамки принятаго мысль, его пролагавшая новые, по крайней мѣрѣ въ нашемъ отечествѣ, пути ученость сплетала терновый вѣнецъ его славы.

И однако въ такомъ трофеѣ побѣды для него нѣтъ ничего ни неестественнаго, ни противоестественнаго.

Вѣдь точно такой же вѣнокъ сплеталъ языческій міръ и на главу тѣхъ, выясненію заслугъ которыхъ предъ христіанской церковью посвятилъ почившій одинъ изъ своихъ многочисленныхъ трудовъ.

Вѣдь точно такъ же—скромно, во всякомъ случаѣ несомнѣнно высокому достоинству мучениковъ, совершалось и ихъ погребеніе, какъ погребаемъ мы, немногіе, ихъ бытописателя.

Но, слава ихъ не умираетъ и, вѣримъ, не умретъ, поскольку на нашихъ глазахъ трудами ученыхъ, подобныхъ почившему, она возрастаетъ.

Таково мученичество въ своемъ существѣ. Въ этомъ его глубокой смыслъ и жизненное значеніе. Таковъ удѣлъ и всѣхъ мучениковъ, поскольку мучениковъ первыхъ вѣковъ нашей эры позволительно считать и первыми борцами за христіанскую культуру.

Не избѣжать, слѣдовательно, своей славы и почившему, такъ какъ дѣла подобныхъ ему, ей, глаголетъ Духъ, ходятъ вслѣдъ за ними (сн. Апок. XIV, 13).

Вотъ тому одно доказательство, хотя и слабое.

Замерла жизнь нашей тихой ученой обители. Лишь въ единицахъ выражается количество ея обитателей въ эти іюльскіе дни.

Но какъ въ муравейникѣ закопошилась жизнь, когда смерть вырвала одного изъ нашихъ старѣйшихъ руководителей и давнихъ наставниковъ.

Мы не учились у Алексѣя Петровича въ томъ смыслѣ, что не слушали его лекцій. Но имя Алексѣя Петровича свято чтилось каждымъ изъ насъ, такъ какъ мы всѣ воспитались на его церковно-историческихъ трудахъ.

И лишь только до Академіи долетѣла, правда поздняя, вѣсть объ его смерти, она болью отразилась въ нашихъ сердцахъ.

Мои немногочисленные товарищи, когда я отправлялся сюда, спѣшили въ храмъ, такъ какъ только тамъ рассчитываютъ найти себѣ нѣкоторое успокоеніе отъ тяжелой, нанесенной имъ смертью Алексѣя Петровича, раны. А меня,

твоего неизвѣстнаго тебѣ совоспитанника не по Академіи только, но и по Семинаріи, духовнаго ученика и почитателя, они уполномочили явиться сюда для того, чтобы отъ лица всѣхъ насъ передать тебѣ свое послѣднее прости,—неумѣлое, скромное, но... сердечное.

Ты никогда не забывалъ насъ...

Но если бы и не было этого, вѣрь, что память о тебѣ никогда, никогда—до тѣхъ поръ, пока будетъ существовать русская церковно-историческая наука, не умретъ въ сердцѣ каждаго питомца Московской Академіи.
